

Академик Николай ЛАВРОВ:

НАМ НУЖНА НЕФТЬ, А НЕ ТРУБА - БАЙКАЛУ

В документах, связанных со строительством нефтепровода «Восточная Сибирь - Тихий океан», я прочитал: «Проектом предусматривается прокладка нефтепровода вдоль осевой Байкальской рифтовой зоны на протяжении около 1100 км, где выявлены следы былых сейсмических событий с интенсивностью более 10 баллов...»

А если случится авария? Ведь многие тонны нефти попадут в Байкал! Проект нефтепровода «Восточная Сибирь - Тихий океан» не может не волновать. И люди пристально всматривались в экран телевизора, когда речь шла о планах его строительства. Президент страны В.В. Путин слушал доклад вице-президента Российской академии наук академика Н.П. Лаврова, который четко и последовательно излагал позицию ученых и их конкретные предложения.

Как ни странно, президент с доводами ученых согласился быстро - поддержал идею о переносе трассы нефтепровода на север, за пределы водосборного бассейна озера Байкал. Что же произошло? И почему потребовалось вмешательство президента страны? Какова дальнейшая судьба проекта?

Эти вопросы и привели меня в кабинет вице-президента РАН Николая Павловича ЛАВРОВА.

У меня такое ощущение, будто события, связанные с вами, по своим масштабам можно сравнить с запуском искусственного спутника Земли. Такой же праздник на душе, ликование по поводу огромной победы нашей науки, которая доказала, что без нее жить в России просто невозможно!

И у меня на душе празднично, хотя сравнивать со спутником я не стал бы. Идет обычная для нас работа. Уже более десяти лет я являюсь председателем Комиссии по экологической безопасности России. На заседаниях мы рассматривали много очень сложных вопросов, которые касались и радиационной безопасности, и химической индустрии, и уничтожения оружия, и биологического терроризма... 17 ведомств работает с нами, и их мнение чрезвычайно важно для государства. Очень важно, что многие беды удавалось предотвращать.

Это имеет отношение и к нефтепроводу «Восточная Сибирь - Тихий океан»?

Конечно. Некоторое время секретарем Совета Безопасности работал Владимир Путин. За его подписью уходили документы в правительство, и надо отдать ему должное, читал он их всегда внимательно. Позже я убедился, что, став президентом, он не менее внимательно следит за всем, что связано с безопасностью.

И за нефтепроводом?

В 2003 году зашла речь о безопасности Байкала в связи с прокладкой трубопровода. Я был тогда вместе с президентом на Дальнем Востоке. Естественно, проблемы экологии обсуждались подробно...

Речь идет об обеспечении топливными ресурсами Дальнего Востока?

И об экспорте углеводородного сырья в Тихоокеанский регион. Уже тогда Путин подчеркнул, что одна из главных задач науки - обеспечение экологической безопас-

ности Приморья, а также районов, которые примыкают к Китаю. Состояние природной среды на планете вызывает серьезное опасение, и ученые всего мира привлекают внимание руководителей стран к этой опасности. Другое дело, что не все прислушиваются к нашему мнению, но, к счастью, Владимир Путин не из их числа.

А как же случилось, что труба оказалась на самом берегу?

Это почти детективная история. По проекту «Транснефти», оказывается, трубопровод идет вдоль железной дороги.

Для вас это было неожиданным?

Конечно! Хотя я понимаю, почему возник именно этот проект. Он очень удобен: платформа с трубами подходит, их снимают и тут же укладывают. Дешево и быстро! Уже в 2004 году при проведении экспертизы стало ясно, что с разных нефтяных полей придется местные трубопроводы врезать в магистральный, которому предстоит пересекать скалистую часть трассы. А ведь на этом участке опасны не только землетрясения, но и мощные оползни. Вот и был предложен обводный вариант. Причем он рассматривался в двух схемах. Один - по правому берегу Лены, как бы по краю горной страны, а второй - по левому берегу Лены через нефтяные поля, в обход мощной горной части Сибирской платформы.

Это далеко от Байкала?

400 километров севернее. Но мы рассматривали не только хребтовую часть. Варианты разные. В частности, один из них был предложен сибирскими специалистами. Главная его особенность: трубопровод должен проходить прямо по нефтеносным районам, что позволит привлечь к проекту нефтяников с их ресурсами. Да, трубопровод получается на 200 - 300 километров длиннее, но обойдется дешевле за счет привлеченных средств от компаний, которые владеют нефтяными месторождениями. В разработке проекта принимали участие многие институты Сибирского отделения РАН, крупнейшие ученые страны, и в 2004 году именно такой вариант трубопровода «Восточная Сибирь - Тихий океан» был согласован.

Что же случилось потом?

Для меня стало большой неожиданностью, когда руководитель «Транснефти» пришел к президенту РАН Ю.С. Осипову и сказал, что они принимают окончательное решение вести трубопровод по трассе Байкало-Амурской магистрали. Я в то время был в США и не мог принимать участие в этом разговоре. К чести Юрия Сергеевича должен сказать, что тот потребовал подождать моего возвращения из Америки. Конечно, в «Транснефти» этим были довольны: они надеялись решить проблему быстро и без осложнений.

Наивно?

К сожалению, в нашей действительности немало примеров, когда стараются избегать людей, которые хорошо знают суть дела. Я вернулся из Америки, Юрий Сергеевич рассказал мне о визите руководителя «Транснефти», но... все разговоры о проекте утихли. Создалось даже впечатление, что интерес к нему потерян. Материалы по всем вариантам у меня, конечно же, были, но никто ими не интересовался. Правда, меня несколько насторожило, что в состав экспертной комиссии были внесены поправки: в нее было добавлено 30 человек. Оказалось, что в основном это сторонники проекта «Транснефти». В результате голосования выяснилось, что с перевесом в один (!) голос экспертная комиссия поддержала вариант «Транснефти».

Действительно, детективная история!

Как только это стало известно, возмущение специалистов было очень сильным. Все Сибирское отделение РАН выступило единым фронтом.

Нормальному человеку методы «бандитского капитализма» не могут не претить!

Нас удивило все, что происходило с проектом! Были поправны все разумные доводы и аргументы. К примеру, та же сейсмическая карта. Она, детальная и очень точная, появилась после Спитакского землетрясения. Тогда мы столкнулись с массовой проблемой: и по химическому комбинату, и по Севану, в котором практически вся

вода была сработана, и по Армянской АЭС. Те очень трудные дни - я работал в комиссии Н.И. Рыжкова - у меня постоянно перед глазами, и я невольно опасался: если что-то подобное случится с Байкалом, то мы уже не справимся... Это будет катастрофа мирового уровня. Как же сторонники байкальского варианта трубопровода этого не понимают?! К счастью, во время встречи с президентом удалось передать ему нашу тревогу, потому что будущее Байкала напрямую связано с судьбой всего нашего народа.

Я присутствовал на экологическом конгрессе в Парме, где, в частности, обсуждалась и ситуация вокруг Байкала. Там я вдруг услышал, что сторонники прокладки трубы вдоль озера вновь вернулись к своему варианту - мол, им удалось переубедить Путина, нефтяники доказали ему, что Байкал все равно загрязнен, и труба никакого вреда не принесет. Так ли это?

Думаю, что это отзвуки прошлого, когда пытались этот вариант пробить. Для меня непонятно, почему и зачем это делалось. То, что происходит вокруг Байкала в связи с нефтепроводом, - это не что иное, как

борьба науки и антинауки. Мне представляется, что нефтяной бизнес хочет продемонстрировать в данном случае свое всеисилие. Я хорошо знаю нефтяников, со многими из них сотрудничал, у нас сложились неплохие отношения. Однако несколько лет назад у многих нефтяников изменилась психология - у них появился некий ореол исключительности, мол, им предназначена роль спасителей Отечества.

Даже термин появился: спасительная нефтяная игла!

Вот именно. Но я хочу отметить, что это слишком преувеличено. В годы советской власти нефтяники Западной Сибири делали для страны несравненно больше, и никто их в ранг героев и спасителей Отечества не зачислял. А ведь, по сути, нефтяники совершили тогда настоящий подвиг, им приходилось впервые работать в страш-

ных болотах и невероятно трудных условиях. Нынче те же нефтяники пользуются в основном трудом предыдущих поколений, так что в оценках их труда и достижений следует быть намного скромнее. Открытие крупных месторождений в Восточной Сибири, на Севере и на Сахалине - достижения советской поры, и об этом не следует забывать.

И продавали немало...

Увы, цена нефти была несопоставимая! Сейчас - почти в десять раз больше. Это вовсе не достижение нашего нефтехимического комплекса, как пытаются представить некоторые аналитики и экономисты, а конъюнктура мирового рынка. Вот и возникла вседозволенность, которая приводит подчас к катастрофическим последствиям. Когда же ученым удается предотвратить их, то, как ни странно, вместо благодарности они получают очередную порцию критики, а подчас и ненависти.

Иначе и быть не может, когда властвуют только деньги!

Это привело, к сожалению, и к резкому ослаблению экспертных органов. Когда В.В. Путин был премьером, к нему обратились с письмом крупнейшие ученые страны: нужно резко усилить экологический

надзор. И тогда он поддержал эту инициативу. Так что и в этом смысле ситуацию он знал неплохо. Наконец, на Госсовете мы однажды рассматривали положение с радиационной безопасностью. Я выступал с докладом, и, естественно, анализировалась в целом экологическая обстановка в стране. Хочу подчеркнуть: если кто думает, что президент во время встречи в Сибири импровизировал, то он глубоко ошибается. В течение многих лет он так или иначе готовился к этому обсуждению. Другое дело, что были колебания: как быстрее осуществить проект, какие аргументы принять во внимание в первую очередь, какой вариант предпочтительнее и так далее. Ему было ясно, что простых проектов не бывает, хотя именно в этом его пытались убедить.

На бумаге все представляется простым и ясным!

Конечно. По крайней мере, так пытаются представить свои предложения проектировщики. К примеру, утверждается, что в течение двух часов аварийные бригады смогут прибыть на место утечки нефти и быстро ликвидировать аварию. Но мы постоянно сталкиваемся с тем, что на ликвидацию прорыва нефтепровода уходит многие часы, а иногда и сутки. Жизнь гораздо сложнее, чем расчеты.

И какова же цена вопроса?

Около миллиарда долларов.

Дополнительно!

Нет, экономия!

И за счет чего?

Труба идет вдоль месторождений по равнине и не требует никаких специальных сооружений, не нужно содержать специальный спасательный флот, более того - этот вариант построить значительно проще. Как нам и было поручено президентом, в течение месяца мы подготовили научное обоснование северного варианта проекта и разослали всем заинтересованным органам.

Значит, в основе всех споров - деньги вполне конкретных фирм и людей? Даже если в целом проект дешевле, но для отдельных представителей бизнеса прибыль уменьшается, они и ведут борьбу?

Честно говоря, мне не до конца понятны мотивы тех, кто отстаивал байкальский вариант. В моей жизни было множество экспертиз, я участвовал во множестве проектов, а потому привык всегда выделять главное. В том числе и в аргументах оппонентов. Возможно, какую-то роль сыграли и амбиции: проектировщики их начали отстаивать, хотя, на мой взгляд, они и виновны в том, что возникла дискуссия. На первом же этапе им надлежало обратиться к ученым, в

созданы карты освоения этих районов. Предусматривалось, что здесь появится мощный промышленный комплекс. Однако сегодня месторождения не осваиваются, эти богатейшие районы по-прежнему в запустении. Вместе с коллегами мы выпустили недавно монографию. Название ее символично: «Зачем России Удокан». В этой работе мы показываем, что будущее России напрямую связано с освоением и развитием именно этих районов.

Будем надеяться, что опыт прокладки нефтепровода «Восточная Сибирь - Тихий океан» поможет обратить внимание на эту часть России. Но так ли нужно по экономическим соображениям прокладывать эту трубу?

Тут, безусловно, учитывается и политическая целесообразность. Китай, Япония, Южная Корея и практически вся Юго-Восточная Азия нуждаются в нефти, и, следовательно, мы выходим на этот гигантский рынок.

Ну а если не тянуть трубу через полстраны, а здесь, в районе нефтяных месторождений, построить мощный нефтехимический комплекс и перерабатывать нефть на месте?

Да, продукты переработки в два-три раза дороже, чем сырая нефть. Это аксиома. Однако у нас нет хороших заводов. Даже те нефтепродукты, которые мы экспортируем, на Западе вновь перерабатываются. К сожалению, сейчас такой современный комплекс мы поставить не можем, да и западные партнеры предпочитают получать от нас сырье, а не готовую продукцию. А идея с этим нефтепроводом была грандиозная: объединить нефтяные и газовые поля Западной и Восточной Сибири и Сахалина единой сетью нефте- и газопроводов, на берегу Тихого океана поставить самые современные производственные, где получать сжиженный газ и качественные нефтепродукты, которые и поставлять в Америку и Юго-Восточную Азию.

«Я планов наших люблю громадь»... Такое легко провозглашать, но нелегко выполнять. А пока четыре тысячи километров тащим трубу, чтобы торговать сырой нефтью?

Сейчас для компаний это выгоднее, чем создавать современные нефтеперерабатывающие предприятия. В принципе крупные заводы всегда строятся «в конце трубы». В данном случае магистральный трубопровод будет собирать нефть с многих месторождений, и в этом его преимущество.

Неужели все делается только ради экспорта?

Восточные районы нашей страны тоже получат возможности для развития. Уже более ста лет мы решаем проблему энергетики на Дальнем Востоке и до сих пор решить не можем. Освоение газовых и нефтяных месторождений, на мой взгляд, позволит снизить ее остроту, а возможно, и решить окончательно. Так что проект выглядит весьма солидно.

Схватка вокруг трубы не послужила ли сигналом для той атаки, что ведется сейчас на Российскую академию наук?

Как раз из-за этого она затихла! Президент высоко оценил работу, которую получают ученые Сибирского отделения РАН и всей академии, и это несколько остудило пыл тех, кто пытается обвинить наших ученых и Академию наук во всех грехах. Ситуация меняется коренным образом. Сейчас у меня на столе проект закона об академии. Он улучшает положение академии в обществе и стране. Исчезает двусмысленность: сейчас, с одной стороны, РАН - организация самоуправления, а в то же время имеет государственный статус. Какой-то «жареный лед» получается. А надо принимать четкое решение: то ли быть общественной организацией, то ли государственной. Я считаю, что РАН может быть только государственной. Второе: Академию наук не подчиняют никакому министерству, его устав утверждает правительство, а президент РАН утверждает президент страны. В нынешних условиях так и должно происходить. Таким образом, академия оказывается на уровне Министерства обороны, других силовых министерств и ведомств, Министерства иностранных дел...

Компания неплохая!

Недавно я на одном из банкетов провозгласил тост: «Как известно, однажды российский император сказал, что могущество страны держится на армии и флоте. Я хочу, чтобы Президент России теперь говорил, что величие России держится на трех составляющих - армии, флоте и Академии наук».

Я думаю, что из всей той мути, которую развели вокруг реформ науки, в конце концов останется рациональное зерно, суть которого в том, что как 300 лет назад, так и в будущем наша академия останется в государстве на особом положении.

Беседу вел Владимир ГУБАРЕВ

Амурская область. 13 октября 2006 г. Сварка первого стыка нефтепровода «Восточная Сибирь - Тихий океан» в Тындинском районе.